

В. А. Томсинов

**«...С верою в силу и истину
Самодержавной Власти...»**

Манифест 29 апреля 1881 года

Опубликовано в издании:

Томсинов В. А.

**Конституционный вопрос в России
в 60-е – начале 80-х годов XIX века.**

М.: Зерцало, 2012. С. 186–199.

(Серия “Великие реформы»).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«...С верою в силу и истину Самодержавной Власти...»: Манифест 29 апреля 1881 года

Вечером 21 апреля его величество написал К. П. Победоносцеву письмо, в котором выразил свое отношение к состоявшему в Гатчине совещанию с министрами. «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление, — посетовал он. — Лорис, Милютин и Абаза, положительно, продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убежусь в пользу подобной меры, слишком я уверен в ее вреде. Странно слушать умных людей, которые могут *серьезно* говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма.

Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу. Дай Бог, чтобы я ошибался. Не искренни их слова, не правдой дышат.

Вы могли слышать, что Владимир, мой брат, правильно смотрит на вещи и, совершенно, как я, не допускает выборного начала. Трудно и тяжело вести дело с подобными министрами, которые сами себя обманывают...»¹

К. П. Победоносцев ответил государю через день. Рассказав о впечатлении, произведенном на него гатчинским совещанием, оберпрокурор Святейшего Синода призвал Александра III открыто и

¹ Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. В 2-х томах. Том 1. Минск, 2003. С. 40.

твердо объявить о своей позиции народу. О том, какой она могла быть, Константин Петрович хорошо знал, поэтому в своем письме вообще не касался этого вопроса.

«Заседание 21 апреля у Вашего Величества имело результатом покуда сближение между лицами, — писал Победоносцев. — На первый раз я и этому радуюсь, что со мной говорят без принуждения те, которые до сих пор избегали меня. Обратное наше путешествие в вагоне было образцом непринужденного друг с другом обхождения, тогда как, ехавши в Гатчину, мы сидели по углам с угрюмым видом. Жду, когда мы соберемся для общего совещания. Великий князь Владимир Александрович заметил, что все бывшее доньше разногласие происходило от недоразумений; но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаруживаться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и распоряжениям. Рассуждать между собою нетрудно, причем для избежания разногласий сглаживаются посредством фразы резкие оттенки взглядов и мнений; но когда надобно приступать к решительному действию, тут обнаруживается рознь и сила действия парализуется»¹.

Приведенные слова были всего лишь вступлением к той мысли, которую Победоносцев старался внушить государю с первого дня его царствования. Эту мысль Константин Петрович выразил без какой-либо витиеватости — прямо и убежденно, как наставник не во всем послушному ученику: «В публике ходили и продолжают ходить самые странные слухи и ожидания по случаю этого совещания. Многие были уверены, что 15-го, потом 17-го числа произойдет и объявится нечто необыкновенное. Поднялись вновь толки о представительстве, — авось, теперь несколько стихнут. Но смущение не успокоится, я убежден в том, покуда правительство не заявит себя такими действиями, которые ни в ком не оставляли бы сомнения или раздвоенной мысли.

Смею думать, Ваше Императорское Величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей. Первый манифест был слишком краток и неопределителен. Часто указывают теперь на прекрасные манифесты императора Николая 19 декабря 1825 и 13 июля 1826 года»².

¹ Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х томах. Т. 1. М., 1925. С. 327–328.

² Там же. С. 328.

Оба манифеста, на которые как пример для подражания обратил внимание Александра III Победоносцев, были изданы императором Николаем I по случаю бунта в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года.

Манифест от 19 декабря 1825 г. объявлял о том, что бунтари предстанут перед судом и воспримут каждый по делам своим заслуженное наказание. «Сей суд и сие наказание, — заявлял в нем Николай I, — по принятым мерам обывая зло, давно уже гнездившееся, во всем его пространстве, во всех его видах, истребит, как Я уповаю, самый его корень, очистит Русь святую от сей заразы, извне к Нам нанесенной, смоеет постыдное и для душ благородных несносное смешение подозрений и истины, проведет навсегда резкую и неизгладимую черту разделения между любовью к Отечеству и страстию к безначалию, между желаниями лучшего и бешенством превращений; покажет, наконец, всему свету, что Российский народ, всегда верный своему *Государю* и Законам, в коренном его составе также неприступен тайному злу безначалия, как недосязаем усилиями врагов явных; покажет и даст пример, как истреблять сие зло, и доказательство, что оно не везде неизцельно»¹. Думается, именно эти слова из манифеста от 19 декабря 1825 года имел в виду Победоносцев, рекомендуя его Александру III в качестве образца.

Манифест, изданный 13 июля 1826 года, объявлял о совершении приговора над бунтарями-декабристами. Особую ценность в нем должны были представлять, с точки зрения Победоносцева, следующие сентенции: «В государстве, где любовь к *Монархам* и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа; где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных: они могут таиться во мраке, но при первом появлении, отверженные общим негодованием, они сокрушатся силою закона. В сем положении государственного состава каждый может быть уверен в непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящего, и спокойный в настоящем, может прозирать с надеждою в будущее. Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше уссовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного уссовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов,

¹ Манифест от 19 декабря 1825 года «О происшедшем бунте в Санктпетербурге 14 декабря» // 2-ПСЗРИ. Том 1. № 6. С. 14.

к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к Нам путем законным, для всех отверзтым, всегда будут приняты Нами с благоволением; ибо Мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть Отечество Наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидением ему предопределенной»¹.

В письме к государю, написанном 6 марта 1881 года, Победоносцев призывал его величество покинуть Санкт-Петербург на время, «пока его еще не очистят решительно». В письме, направленном Александру III полтора месяца спустя, Константин Петрович советовал ему возвратиться в свою столицу. «Вместе с тем продолжаю думать, что Вашему Величеству необходимо появиться в Петербурге, — убеждал он императора. — Безвыездное пребывание Ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов, самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Иные из народа уже спрашивают, правда ли, что государя нет и что это скрывают от народа? Распространение и усиление таких слухов может быть очень опасно в России, и люди злонамеренные, которых ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ»².

Завершал Победоносцев свое письмо венценосному гатчинскому затворнику призывом успокоить Россию. Для достижения этого он предлагал государю, помимо издания специального манифеста, принять меры к ограничению свободы печати. «Дела так много в России, — созидательного, великого дела для всех и каждого», — патетически заявлял он и после этого вопрошал: «Когда мы дождемся, что каждый может спокойно посвятить себя *своему* делу и сидеть у него? Я не обманывался, когда говорил, что ныне никто не может спокойно делать свое дело. От государственного человека до сельского дьячка и до последнего гимназиста все заняты толками о политических делах и государственных переменах, сплетнями и слухами, раздражающими и смущающими душу. Главная причина, — я убежден в том, — газеты и журналы наши, и не могу надивиться слепоте и равнодушию тех государственных людей, которые не хотят признать этого и не решаются на меры к ограничению печати. Я был всегда того мнения, что с этого следует начать, но никто не хочет согласиться со мною. Боже мой! Дождаться бы тихой поры и сказать: ныне отпускаеши раба твоего, владыко!»

¹ Манифест от 13 июля 1826 года «О совершении приговора над государственными преступниками» // Там же. № 465. С. 773–774.

² Письма Победоносцева к Александру III. С. 328.

Не дождавшись от государя ответа на свое письмо, К. П. Победоносцев направил ему 25 апреля новое свое послание с предложением издать в ближайшие дни специальный манифест о незыблемости государственного порядка, подталкивая его величество к скорейшему принятию решения об этом. «Не о себе, конечно, забочусь, — пояснял он, — а об том, чтобы выяснилось прямое дело и явилось бы правительство, основанное на ясной, искренней мысли и на твердой воле, а не на недоразумении, на какой-то лживой сделке, в которой каждый, не веря другому, оставляет при себе заднюю мысль свою.

Между тем, вся Россия ждет, все честные люди в смущении. С другой стороны, все безумные, которые ждали конституции, — журналисты, профессора, чиновники-либералы, — проклинаят меня на всех перекрестках, так как пущен слух, будто я помешал конституции.

Вчера я писал Вашему Величеству о манифесте и не отстаю от этой мысли. Состояние нерешимости не может длиться, — в таком случае оно будет губительно. А если принять решение, то необходимо высказаться. Я сижу второй день, обдумываю проект манифеста, посоветуюсь с графом С. Г. Строгановым и представляю на Ваше усмотрение. Да благословит Бог решение Ваше»¹.

26 апреля 1881 года обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев направил Александру III новое письмо: «Ваше Императорское Величество! Вновь являюсь и всеподданнейше прошу не погневаться за настойчивость и ежедневную доuku. Не по своей воле и не по своему вызову стал я известен Вашему Величеству и увидел доверчивое Ваше к себе расположение. Итак, в нынешние часы, когда душа моя ежеминутно болит и трепещет за Вас и за Россию, — как могу я молчать или бездействовать и покоиться?

Спешу представить Вашему Величеству выработанную мною редакцию манифеста, в коей каждое слово мною взвешено. По моему убеждению, редакция эта совершенно соответствует потребности настоящего времени. Вся Россия ждет такого манифеста и примет его с восторгом, разумеется, кроме безумных людей, ожидающих конституции. Граф С. Г. Строганов вполне согласен с этим и вполне доволен редакцией, которую я сегодня ему показывал. Кроме его, *никто* не знает об этом.

Вы изволите усмотреть, что тут с намерением выражена твердая воля охранять самодержавную власть, — самое существенное, после чего должны уже замолкнуть толки, что сегодня или завтра явится

¹ Письма Победоносцева к Александру III. С. 330–331.

конституция, — выражено желание не творить еще новые учреждения, но водворить порядок и правду в существующих, выражена безвозвратность освобождения крестьян, в опровержение злостных толков о том, что хотят свободу»¹.

Сознавая, в какой зависимости от общественного мнения пребывал молодой государь в первые дни своего царствования, Константин Петрович стремился успокоить его на сей счет. «И в России, и за границей этот манифест должен произвести самое благодетельное действие», — уверял он Александра III, добавляя для надежности явный вымысел: «Я знаю, что и там ждут с нетерпением и удивляются, как ничего нет до сих пор».

Стремясь исключить для своего венценосного ученика все возможности к отступлению, обер-прокурор Святейшего Синода приложил к данному письму собственноручно написанный текст манифеста и пообещал ему представить завтра утром другой экземпляр, переписанный рукой писца.

Вместе с тем Победоносцев позаботился и о том, чтобы Александр III не занимал свой ум размышлениями о том, как и когда удобнее всего обнародовать манифест: он подсказал, какой случай был бы наиболее подходящим для этого: «Итак, если Ваше Величество подлинно имеет, — в чем не сомневаюсь, — твердую волю не допускать учреждений безумных, гибельных для России, умоляю Вас, не остановитесь заявить свою волю всенародно; как изволите увидеть, в редакции нет ничего резкого.

Случай к этому представляется прекрасный. В среду вы изволите приехать в Петербург, на парад, в первый раз после погребения. Молчание, бывшее до сих пор, и уединение объясняется естественным впечатлением после такой катастрофы. Но, в первый раз после погребения появляясь в столицу, Вы являетесь с словом к народу, содержащим в себе как бы общую программу царствования и призыв к ободрению сил и деятельности. Понятно становится, что в первую минуту манифест 1 марта был только формальным заявлением».

Среда наступала через три дня. Понимая, что если Александр III захочет посоветоваться с кем-либо из сановников относительно содержания манифеста, то удобный момент для его обнародования будет упущен, Константин Петрович старался убедить его принять документ в первоначальной редакции и без раздумий. «Смею сказать

¹ Письмо К. П. Победоносцева к Александру III от 26 апреля 1881 года // Письма Победоносцева к Александру III. Том 1. С. 331–332.

еще, — внушал он императору, — нет надобности и советоваться о манифесте и о редакции. Дело ясное до очевидности само по себе: я боюсь, что если призовутся советники, то многие из них скажут: зачем? Не лучше ли оставить намерения государя в неизвестности, дабы можно было ожидать *всего* от нового правительства. Но в этой неизвестности и состоит величайшее зло в настоящую минуту и великое смущение для всех русских людей. Ведь слышал же я, в присутствии Вашего Величества сказано было, что *вся Россия ждет* новых учреждений, которые были предложены. Смею уверить Ваше Величество, что это ложь, ненамеренная, по всей вероятности, но горькое, роковое самообольщение мысли, *не знающей вовсе России и народа*. От такого-то заблуждения в правительстве мы теперь шатаемся как пьяные, и его может разрушить только слово вашего Величества, не допускающее двойного толкования»¹.

После этих фраз Победоносцев заявлял, как бы назначая день для восстания: «*Манифесту следует, кажется, быть данным из Петербурга, 29 апреля*»².

Завершалось же это удивительное письмо словами, которые могли быть сказаны только совершенно неопытному государю или человеку, пребывавшему в крайней степени растерянности. «Если Вы изволите одобрить мысль и редакцию, — обращался обер-прокурор Святейшего Синода к императору, — благоволите накануне призвать к себе министра юстиции и вручить ему бумагу для изготовления манифеста к Вашему подписанию»³.

В 9 часов вечера 28 апреля министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов собрал у себя на совещание министров, присутствовавших неделей раньше на заседании в гатчинской резиденции Александра III. Кроме них для участия в этом совещании были приглашены великий князь Владимир Александрович и обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев. Собравшиеся обсудили сначала составленную великим князем записку с предложением об устройстве особых следственных комиссий, во главе с центральной, для расследования государственных преступлений. Против данного предложения резко выступил Лорис-Меликов, указав на отрицательные результаты подобных комиссий, учреждавшиеся ранее. Министра внутренних дел поддержал министр юстиции Д. Н. Набоков, и, поскольку великий князь ничего

¹ Письма Победоносцева к Александру III. С. 332–333.

² Там же. С. 333.

³ Там же.

не мог добавить в подкрепление своего предложения, оно было отвергнуто. Далее на совещании была рассмотрена записка о предметах ведомства департамента государственной полиции. Последние два вопроса были посвящены деятельности земства. Лорис-Меликов предложил внести поправки в некоторые статьи Положения о земских и городских учреждениях, которые могли бы позволить привлечь земцев к обсуждению законопроектов, имеющих целью улучшение благосостояния крестьян. Д. А. Милютин, описывая в дневнике ход совещания, указал, что все присутствовавшие на нем одобрили данное предложение, против него выступил, по его словам, «лишь Победоносцев, который опять поднял вопрос о значении земства; обычным своим докторальным, широковещательным тоном опять начал доказывать вред выборного начала вообще, опасность привлечения „местных сил“ и допускал только разве вызов экспертов, по назначению самого правительства»¹. Сам Константин Петрович, зная заранее о повестке совещания, писал государю днем 28 апреля о своей позиции по вопросу о привлечении представителей земств к законосовещательной деятельности: «Слышу, что на сегодняшний вечер соберут нас к совещанию. По моему мнению, дело это ведется не так, как было предположено. Я ожидал, что мы соберемся немедленно и будем между собой объясняться и сговариваться, а выходит, что нас соберут и, вероятно, будут предлагать нам заранее приготовленные предположения, т. е. вносить в совещание проекты. Говорят мне со стороны, что и сегодня будет какое-то учреждение местных земских комитетов для обсуждения вопросов разного рода. Если так, то я принужден буду возражать, — если не против существа меры, то против ее своевременности. Потребность настоящей минуты совсем не та: теперь дело не в новых учреждениях, а в восстановлении нормального течения дел, в восстановлении порядка, в успокоении взволнованных умов. Всякое предположение о новых учреждениях в настоящую минуту будет только возбуждать новые толки и даст пищу смущению, которое прежде всего необходимо успокоить. Когда оно успокоится, тогда можно будет обсуждать и эти вопросы»².

Хотя К. П. Победоносцев был единственным, кто выступил против принятия предложения министра внутренних дел, участники со-

¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881 / Под редакцией Л. Г. Захаровой. М., 2010. С. 317.

² Письмо К. П. Победоносцева к Александру III от 28 апреля 1881 г. // Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х томах. Т. 1. М., 1925. С. 333–334.

вещания не решились с ним спорить и поддержали высказанное великим князем Владимиром Александровичем компромиссное мнение о необходимости «*на первый раз* ограничиться призывом из губерний небольшого числа известных правительству дельных и вполне благонадежных людей, собственно только для предварительного обсуждения самого вопроса о порядке призыва представителей земства к обработке известных законопроектов в тех случаях, когда правительство признает это полезным»¹.

Выступая с таким мнением, великий князь вспомнил события 1 марта 1881 года. Согласно его рассказу, покойный император успел утром этого рокового дня утвердить своей подписью доклад Лорис-Меликова о привлечении к законосовещательной деятельности общественных представителей. Дождавшись, когда министр внутренних дел покинет его кабинет, Александр II повернулся к присутствовавшим при подписании великим князьям и сказал: «Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции»².

Вечернее совещание у Лорис-Меликова закончилось в первом часу ночи, но его участники разошлись не сразу. Как только великий князь покинул их, министр юстиции Д. Н. Набоков сообщил, что подготовлен текст высочайшего манифеста, который будет завтра опубликован, и показал его печатный оттиск. Реакция министров на это сообщение была крайне резкой. Военный министр Д. А. Милютин писал о ней в своем дневнике: «Такая неожиданная новость поразила нас, как громом: какой манифест? Кем он изготовлен? С кем советовался государь? Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера; что вчера государь призвал его в Гатчину и приказал сочинить манифест с тем, чтобы сегодня он был напечатан, а завтра, по прибытии государя в Петербург, обнародован»³.

Председатель Комитета министров П. А. Валуев не присутствовал на этом совещании, но кто-то из его участников рассказал ему о том, что происходило вечером 28 апреля в кабинете Лорис-Меликова. 2 мая Петр Александрович записал в свой дневник следующий рассказ о реакции министров на новость о манифесте: «Министр юстиции приехал поздно и молчал. Около полуночи великий князь уехал.

¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881. С. 318.

² Цит. по: Там же.

³ Там же.

Тогда Набоков заявил о манифесте. — Какой манифест? Общее изумление. Набоков предъявляет бумагу. — Откуда? — От Победоносцева. Печатается. Завтра будет разослан. Затем, перекрестные вопросы и бурная сцена, в которой, как говорят, министр финансов совершенно выходил из себя, предлагал всем коллективно подать в отставку, с экстренным поездом ехать в Гатчину (к Александру III. — В. Т.) и пр., и пр. ...»¹

Через день Валуев узнает, что рукопись высочайшего манифеста была получена министром юстиции не от Победоносцева, а прислана государем — с поручением подготовить ее к публикации. Набоков немедленно выполнил этот приказ и на совещание принес уже печатный оттиск манифеста. Но еще днем он сообщил о готовящемся к опубликованию манифесте министру внутренних дел. Придя на совещание, министр юстиции передал текст этого документа для прочтения Лорис-Меликову и министру финансов А. А. Абазе. И оба министра прочитали его еще во время совещания². Тем не менее, их реакция на манифест оказалась весьма нервной и бурной. Данный факт свидетельствует, что М. Т. Лорис-Меликов и его сторонники были всерьез настроены на проведение в России политической реформы, открывающей путь к участию общественных представителей к законодательной деятельности и, следовательно, к установлению конституционного правления. Более того, они связывали с такой реформой свою дальнейшую служебную карьеру. В связи с этим любопытен и факт, сообщенный Набоковым. 30 апреля 1881 года министр юстиции был на докладе у Александра III и его величество якобы сказал, что несколько раз требовал от министра внутренних дел проекта манифеста или объявления о нем в «Правительственном вестнике», но Лорис-Меликов уклонился от выполнения этих государевых приказов.

Все это означает, что Александр III столкнулся в первые месяцы своего царствования с *настоящей политической оппозицией*. Ее составила группа самых влиятельных в его окружении сановников — людей, занимавших ключевые должности в правительстве, а именно: посты председателя Комитета министров, министра внутренних дел, министра финансов, министра юстиции, военного министра, и обладавших поддержкой в императорской фамилии — со стороны ряда великих князей. Они имели план преобразования самодержавно-монархического правления в России в конституционно-монархическое

¹ Валуев П. А. Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 163.

² См.: Там же. С. 165.

и сознавали себя вполне могущественной группировкой для того, чтобы провести его в жизнь, поэтому действовали совершенно свободно, игнорируя в ряде случаев даже распоряжения государя.

Успешно противостоять этой группировке мог только человек выдающегося ума, непреклонной воли и твердых идейных убеждений — при этом пользовавшийся полным доверием у молодого императора. Такой личностью и был К. П. Победоносцев¹. Ему удалось убедить Александра III выступить решительно в защиту самодержавия и против каких-либо попыток ограничения верховной государственной власти. При этом Константин Петрович подчеркивал, что выступает против привлечения представителей общества к участию в законосовещательной деятельности не потому, что является противником каких-либо перемен в государственном строе, но оттого, что ясно сознает **несвоевременность** их в сложившейся в России политической обстановке. Победоносцев внушал своему венценосному ученику, что не о новых учреждениях необходимо думать в условиях социальной нестабильности, но о восстановлении государственного порядка, утверждении законности, об успокоении взволнованного общественного сознания.

Утром 29 апреля обер-прокурор Святейшего Синода обратился к Александру III с очередным письмом: «Ваше императорское величество, — писал Победоносцев. — Вчера вечером Набоков принес в заседание министров манифест, который был прочитан по отъезде в. к. Владимира Александровича. Смущение было общее, но, кроме смущения, у некоторых явно выказывалась досада. Лорис-Меликов и Абаза прямо сочли себя обиженными, — они с Милютиным удивлялись, можно ли было после того заседания 21 марта, где государь „выразил доверие к ним“ и, так сказать, вступил с ними в „соглашение“, издать такой акт без совещания с ними. И Лорис, и Абаза заявили свое намерение просить об увольнении. Спрашивали, кто писал манифест. Разумеется, я сказал, что писал я по приказанию Вашего Величества. Затем я молчал, пока они говорили, — не потому, что я не имел что сказать, но для того, чтоб они не подумали, что я говорю от Вашего имени.

¹ См. жизнеописание К. П. Победоносцева в издании: *Томсинов В. А.* Константин Петрович Победоносцев (1827–1907): человек, государственный деятель и правед // Победоносцев К. П. Юридические произведения. М.: Зерцало, Гарант, 2012. С. 7–214.

Но теперь хочу доложить Вашему Величеству, что нравственное Ваше отношение к этому делу и к министрам совершенно незыблемо, и напрасно они хотели бы, может быть, выставить, что Вы как будто нарушили какой-то мнимый завет Ваш с ними. Никакого завета в этом смысле, сколько я знаю, не было: он существует в их воображении.

Я сказал бы им: если вы столь легкомысленны, что обижаетесь, то вам же хуже. Вы не конституционные министры. Какое право имели бы вы требовать, чтобы государь обращался в важных случаях к народу не иначе, как через вас или по совещанию с вами. Он считает себя самодержавным государем и хочет иметь к народу прямую волю и прямое слово. Если б еще слово его противоречило ходу вашего управления и мешало вам делать ваше дело, — вы были бы в затруднении. Но что вы находите в этом обращении государя к народу, кроме того, что в народе само собою разумеется, что составляет связь его с государем, и что в последнее время смущало всех русских людей под каким-то тяжким сомнением. Это слово государя не может мешать вам, и вы можете только ему радоваться. Изъявлять претензию на то, что государь предоставляет в важных случаях самому себе держать слово к народу, — по меньшей мере странно.

Вот что сказал бы я им и что теперь хочу выразить Вашему Императорскому Величеству. Только что встало утро 29 числа, — многие за Вас молятся, да сохранит господь и да благословит!»¹

Приведенное письмо показывает, что Константин Петрович был, помимо прочего, еще и глубоким психологом: он хорошо понимал, на какие пружины в душе молодого императора надобно нажать, чтобы побудить его к решительному поступку.

* * *

29 апреля 1881 года был обнародован в форме высочайшего манифеста начертанный Победоносцевым текст воззвания Александра III к народу России, гласивший:

«Объявляем всем верным Нашим подданным:

Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученической кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления.

¹ Письмо К. П. Победоносцева к Александру III от 29 апреля 1881 г. // Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х томах. Т. 1. С. 334–335.

Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицом Всевышнего Бога, веруя, что предопределив Нам дело Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит нас Своею Всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на принадлежащий Нам труд Правления.

В Бозе почивший Родитель Наш, прияв от Бога Самодержавную власть на благо вверенного Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Свое служение. Не столько строгими велениями власти, сколько благостью ее и кротостью совершил Он величайшее дело Своего Царствования — освобождение крепостных крестьян, успев привлечь к содействию в том и дворян-владельцев всегда послушных гласу добра и чести; утвердил в Царстве Суд, и подданных Своих, коих всех без различия соделал он на всегда свободными, призвал к распоряжению делами местного управления и общественного хозяйства. Да будет память Его благословенна во веки!

Низкое и злодейское убийство Русского Государя, посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа, — есть дело страшное, позорное, неслыханное в России, и омрачило всю землю нашу скорбию и ужасом.

Но посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений.

Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Ее и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ее.

Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — к утверждению веры и нравственности, — к доброму воспитанию детей, — к истреблению неправды и хищения, — к водворению порядка

и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ее, Возлюбленным Нашим Родителем»¹.

На следующий день после издания этого манифеста М. Т. Лорис-Меликов подал прошение об отставке с поста министра внутренних дел. 4 мая 1881 года Александр III удовлетворил это прошение. Через день был уволен с поста министра финансов А. А. Абаза. 22 мая был отправлен в отставку военный министр Д. А. Милютин. 4 октября 1881 года был снят с поста председателя Комитета министров П. А. Валув.

С оппозицией самодержавному правлению, гнездившейся в самом центре управления Российской империей, было покончено.

¹ Манифест от 29 апреля 1881 года «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России» // 3-ПСЗРИ. Том 1. № 118. С. 53–54.